

О. И. Шкаратан

**О ПРИНЦИПАХ ИЗУЧЕНИЯ ФУНКЦИИ, СОДЕРЖАНИЯ
И СТРУКТУРЫ ВНЕПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Цель статьи состоит в раскрытии функций, содержания и структуры внепроизводственной деятельности как сферы образа жизни. В связи с целью исследования рассматривается характер связи категорий «внепроизводственная деятельность» — «образ жизни» — «культура». Классификация функций внепроизводственной деятельности осуществляется в связи с ее местом в системе социально-демографического воспроизводства первичной территориальной общности. Содержание и структура внепроизводственной деятельности описываются на основе критерия «мера разнообразия». Отбор видов деятельности (занятий) для последующего анализа производится на базе принципа выделения существенных черт этой деятельности, отражающих типическое в образе жизни исследуемого объекта. Информация, адекватная изложенным методологическим принципам, состоит из данных о мере дифференциации занятий населения в сфере внепроизводственной деятельности. Исходя из идеи растущего разнообразия внепроизводственной деятельности, с помощью математического моделирования строится типология характера этой деятельности.

Автор надеется, что предложенный подход будет содействовать дальнейшему изучению общего и национально-специфического в социалистическом образе жизни этносов и этносоциальных групп.

* * *

Категория «внепроизводственная деятельность» в философской и социологической литературе последних лет отождествляется с категорией «быт». Так, в «Рабочей книге социолога» сказано: «Сущность социологического подхода к исследованию проблем быта заключается в том, что эти проблемы рассматриваются через анализ складывающихся форм внепроизводственной деятельности»¹. В «Философском энциклопедическом словаре» дано следующее определение: «Быт — сфера внепроизводственной социальной жизни, включающая как удовлетворение материальных потребностей людей в пище, одежде, жилище, лечении и поддержании здоровья, так и освоение человеком духовных благ»².

Однако в этнографической литературе длительное время преобладала иная трактовка категории «быт». Так Л. А. Анохина, В. Ю. Крупянская, М. Н. Шмелева отмечали, что «быт может быть определен как повседневный образ жизни людей, основывающийся на привычном распорядке, традициях... С этой точки зрения вполне закономерно говорить о быте общественном, производственном и домашнем (или, что шире, семейном)»³.

¹ Рабочая книга социолога. 2-е изд. М.: Наука, 1983, с. 56.

² Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1983, с. 69.

³ Анохина Л. А., Крупянская В. Ю., Шмелева М. Н. Быт и его преобразования в период построения социализма. — Сов. этнография (далее СЭ), 1965, № 4, с. 16. См. также: Крупянская В. Ю., Будина О. Р., Полищук Н. С., Юхнева Н. В. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917—1970). М.: Наука, 1974; Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1977, и др.

Все же чаще быт рассматривается более узко, как внепроизводственная сфера жизни, функция которой состоит в повседневном удовлетворении материальных и культурных потребностей человека⁴. Обзор трактовок категории «быт» в научной литературе был в свое время сделан И. П. Труфановым⁵.

В связи с отсутствием единого содержания, вкладываемого в термин «быт», плодотворным представляется следующее суждение Ю. В. Бромлей: «...сферу непосредственного потребления, повседневного удовлетворения материальных и духовных потребностей людей в советской научной литературе принято обозначать термином «быт». Соответственно относящиеся к этой сфере человеческой деятельности компоненты культуры могут быть названы по-русски «бытовой культурой». Однако, как известно, для русского слова «быт» в западноевропейских языках нет адекватного термина. В этой связи для передачи его смысла на других языках нами недавно было предложено использовать формулу «внепроизводственная культура»⁶.

Отсюда следует, что общенаучные термины «внепроизводственная сфера жизни», «внепроизводственная деятельность», по всей видимости, становятся все более органичными для понятийного аппарата этнографической науки.

Категория «деятельность» и ее производные, в частности «внепроизводственная деятельность», являются основополагающими при построении концепций социальной структуры общества, образа жизни, культуры и др. И это вполне понятно, поскольку она является главной структурообразующей категорией в системе марксистско-ленинской социологии⁷.

В связи с задачами нашего исследования необходимо установить характер связи категорий «деятельность» — «внепроизводственная деятельность» — «образ жизни»; наметить разграничение категорий «образ жизни» и «культура» применительно к задаче эмпирического исследования внепроизводственной деятельности. Начнем с рассмотрения концепции образа жизни. Здесь мы можем опереться на изыскания, проведенные этнографами и социологами.

Журнал «Советская этнография» неоднократно публиковал статьи, раскрывающие соотношение общего и национально-особенного в социалистическом образе жизни⁸. Этнографические и этносоциологические исследования образа жизни у народов СССР являются весомым вкладом в отечественное обществознание. Демонстрируя важность учета в практике управления и планирования этнической (национальной) специфики социалистического образа жизни советских людей⁹, они в то же время показывают необходимость новых углубленных изысканий в этом направлении и дальнейшего развития междисциплинарных связей¹⁰.

В основу дефиниции «образ жизни» все исследователи кладут категорию «деятельность»; сам образ жизни рассматривается как способ

⁴ Синицын В. Г. Быт эпохи строительства коммунизма (О путях строительства коммунистического быта в СССР). Челябинск, 1960, с. 13; его же. Формирование коммунистического быта. — Коммунист, 1963, № 11; Харчев А. Г. Быт и семья при социализме. — Вopr. философии, 1967, № 3; Гордон Л. А., Клопов Э. В. Человек после работы. Социальные проблемы быта и внеабочего времени. М.: Наука, 1972, и др.

⁵ Труфанов И. П. Проблемы быта городского населения СССР. Л.: Изд-во ЛГУ, 1973, с. 23—26.

⁶ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983, с. 106.

⁷ Николов Л. Структуры человеческой деятельности. М.: Прогресс, 1984, с. 25—27.

⁸ См., например, Марков Г. Е. Советский образ жизни и проблемы этнографии. — СЭ, 1976, № 2; Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М. Советский образ жизни: общее и национально-особенное. — СЭ, 1976, № 3; Дробижева Л. М. Международный симпозиум «Этнографические аспекты изучения социалистического образа жизни». — СЭ, 1978, № 6.

⁹ Помимо уже упомянутых работ см.: Опыт этносоциологического исследования образа жизни (по материалам Молдавской ССР). М.: Наука, 1980, и др.

¹⁰ См. совместную публикацию культурологов и этнографов «Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (по материалам армянской сельской культуры)/Авторский коллектив: Маркарян Э. С. (руководитель), Арутюнов С. А., Барсегян И. А. и др. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1983.

этой совокупной деятельности, взятой в единстве с определяющими ее условиями.

В то же время исследователи по-разному трактуют это понятие; в 1980 г. И. В. Бестужев-Лада насчитал 19 вариантов определений образа жизни¹¹.

Наиболее остро вплоть до сегодняшнего дня дебатруется вопрос: входят ли условия жизни непосредственно в образ жизни. Нам представляется оправданной позиция авторов, которые рассматривают условия жизни как фактор и результат, но не элемент образа жизни как такового¹². Сторонники включения условий жизни в состав рассматриваемого понятия не учитывают относительной самостоятельности, например, уровня и образа жизни¹³. Кроме того, нужно принять во внимание, что в систему условий (факторов) образа жизни наряду с ведущим — характером общественного строя входят также естественно-географические и социально-бытовые условия жизни людей, их ценностные установки и т. д.¹⁴.

Важное значение для развития концепции образа жизни имело обсуждение проблемы типических форм деятельности, составляющих образ жизни¹⁵. М. Н. Руткевич отметил, что в понятии «образ жизни» «должны фиксироваться не какие-либо случайные, поверхностные черты жизнедеятельности людей в данных исторических условиях, но черты существенные, закономерные. Эти существенные черты — общее в образе жизни народа, класса, социальной группы или слоя, населения города или деревни и т. д. в условиях данного способа производства»¹⁶.

Идея выделения существенных черт жизнедеятельности людей послужила отправной методологической посылкой нашего исследования внепроизводственной деятельности.

Мы уже отмечали, что большинство авторов связывают категорию «образ жизни» не просто с деятельностью, а со способом деятельности. Но специалисты по проблемам культуры подчеркивают, что культура — также способ деятельности. Мы здесь не касаемся тех расхождений в определении понятия «культура», вследствие которых в него включают или не включают, например, результаты деятельности и т. д.¹⁷.

Авторы, заботящиеся о логической непротиворечивости используемого ими категориального аппарата, не могли не обратить внимание на взаимное «наложение» понятий «образ жизни» и «культура». Но ответы на возникающие при этом вопросы они дали диаметрально противоположные. Так, А. И. Арнольдов соотнес культуру и образ жизни как видовое (культура) и родовое (образ жизни) понятия¹⁸. Э. С. Маркарян, напротив, рассматривает образ жизни как одну из составных частей культуры. По его мнению, образ жизни является «личностно-

¹¹ Социальные показатели образа жизни советского общества. Методологические проблемы. М.: Наука, 1980, с. 21—28.

¹² Социалистический образ жизни. Вып. 2. М.: Прогресс, 1979, с. 6, 8.

¹³ См. Руткевич М. Н. Социалистический образ жизни: качественная и количественная определенность. — Социол. исслед., 1983, № 4, с. 9—16.

¹⁴ Социалистический образ жизни. Вып. 1. М.: Прогресс, 1979, с. 13.

¹⁵ Гордон Л. А., Клопов Э. В. К изучению социалистического образа жизни: развитие быта советских рабочих (в ретроспективе и перспективе). — Рабочий класс и соврем. мир, 1976, № 2, с. 25.

¹⁶ Руткевич М. Н. Социалистический образ жизни и его развитие. — Вопр. философии, 1975, № 11, с. 47—48.

¹⁷ См. Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука. М.: Мысль, 1983; Философия и культура. Тезисы к XVII Всемирному философскому конгрессу (Монреаль, 1983). М.: Философ. о-во СССР, 1983); Коржева Э. М. Задачи и параметры исследования проблем культуры. — В кн.: Социологические аспекты глобального моделирования. Сб. трудов ВНИИ Системных исследований. Вып. 7. М., 1979; Ковальзон М. Я. К вопросу о месте понятия «культура» в системе категорий исторического материализма. — Культура, история, современность. Круглый стол «Вопросов философии», — Вопр. философии, 1978, № 1, и др.

¹⁸ Арнольдов А. И. Социалистический образ жизни и культура. М.: Мысль, 1976, с. 5; см. также Толстых В. Социалистический образ жизни и культурный рост личности. — Коммунист, 1979, № 1, с. 72.

практической характеристикой усвоенной культуры», он связан с «социально привитыми типовыми свойствами поведения индивидов»¹⁹.

И. В. Бестужев-Лада, пытаясь выделить образ жизни как особое явление общественного бытия, трактует способ деятельности в контексте понятия «образ жизни» как «совокупность конкретных видов жизнедеятельности, типичных для данного общества и образующих целостную систему»²⁰. В таком случае предложение некоторых авторов считать, что культура «отвечает на два вопроса: «что» является результатом деятельности и «как» он получается»²¹, дает возможность де-маркировать культуру и образ жизни.

Однако возможны и иные пути разграничения культуры и образа жизни, строящиеся на идее о том, что образ жизни и культура раскрывают разные аспекты деятельности как внебиологической активности человека. Здесь принципиально важно следующее суждение Ю. В. Бромлея: «... представляется объективной реальностью существование в социальных системах особого явления, отличающегося не только от биологического субстрата их основных элементов, но и от структурных связей между последними, т. е. социальных отношений в узком смысле слова. Ясно, что этот общественный (надбиологический) субстрат — результат деятельности людей, воплощенный в их духовных свойствах, в самой этой деятельности, а также в опредмеченных формах... данное явление в общих чертах совпадает с... широкими определениями культуры...». По мнению Ю. В. Бромлея, в целом общественное бытие предстает «как дуалистическое единство структуры и субстрата, принятие во внимание такого единства открывает... один из возможных путей к размежеванию собственно социальных и культурных явлений»²².

В недавно вышедшей книге по методологическим проблемам изучения образа жизни мысль авторов пошла аналогичным путем: к образу жизни отнесены такие аспекты деятельности, которые характеризуют ее как проявление природы социального строя в конкретных действиях и поведении людей («как в повседневной жизни реализуются возможности этого строя») ²³.

Таким образом, теоретическим критерием различения связи образа жизни и культуры с базовым для них понятием «деятельность» служит характер опосредования отражаемых ими явлений со способом производства и непосредственной жизненной обстановкой²⁴. В системе этих категорий, раскрывающих различные стороны деятельности, образ жизни охватывает те характеристики последней, которые более непосредственно обусловлены способом производства и в этом смысле имеют иные циклы воспроизводства, обновления, более зависимы от активности субъекта деятельности. Отсюда следует, что внепроизводственная деятельность может быть соотнесена и со сферой образа жизни, и со сферой культуры. Все зависит от направленности и содержания проводимого анализа.

Наконец, есть еще одна чрезвычайно важная сторона специфики изучения деятельности в рамках концепции образа жизни. Как известно, необходимо четко различать деятельность отдельного индивида и деятельность этносов, социумов. Диалектика социального и индивидуального в системно-структурном анализе деятельности, в развитии ее всеобщей и совокупной структур разработана Л. Николовым²⁵. Уровень анализа социальной деятельности, на котором объектом изучения

¹⁹ Маркарян Э. С. Указ. раб. с. 219—220.

²⁰ Социальные показатели образа жизни советского общества, с. 28.

²¹ Коржева Э. М. Указ. раб., с. 62.

²² Бромлей Ю. В. Указ. раб., с. 100.

²³ Образ жизни в условиях социализма. Теоретико-методологическое исследование. М.: Наука, 1984, с. 10.

²⁴ Близкий подход развит В. Н. Пименовой. См. Автореф. ее докт. дис.: «Методологические проблемы исследования свободного времени в развитом социалистическом обществе». М.: Ин-т философии АН СССР, 1983.

²⁵ Николов Л. Указ. раб., с. 23-45.

становится жизнь человека с ее личностной определенностью, задается категорией «образ жизни». Именно на этом уровне анализа появляется возможность показать, каким образом общественное производство и все остальные функции социальной системы осуществляются посредством конкретных видов деятельности индивидов: «...глубинные истоки проблемы образа жизни лежат в диалектике социального и индивидуального, во взаимозависимости бытия социально-экономических структур и жизни отдельных людей... Таким образом, основная познавательная особенность понятия «образ жизни» состоит в том, что субъектом жизнедеятельности выступает человек как конкретно-исторический индивид, как представитель той или иной социальной группы, класса, народности»²⁶.

Наше исследование является эмпирическим, т. е. предполагает качественно-количественную определенность в описании и анализе образа жизни. В связи с этим одной из важных задач является выделение типов деятельности. Основания для таких членений разнообразны. Так, типы деятельности могут быть выделены по характеру затрачиваемой энергии (мускульной, умственной или психической); другим основанием может служить выделение типов по составу деятельности — вещественная, информационная и т. п.; и наконец, основанием для выделения типов может быть разделение по сферам деятельности (производство материальных благ, производство знаний, производство самих людей и т. д.). Выделяют также типы деятельности по ее характеру (производство в широком смысле слова, потребление, включая потребление знаний, духовных ценностей)²⁷.

Последнее из оснований наиболее фундаментально. Оно традиционно для экономической науки, а в последнее время получает все более широкое распространение и в других областях общественнознания²⁸. Ю. В. Бромлей предлагает положить в основу моделирования внутреннего строения культуры деление деятельности «на сферу производства и потребления»²⁹. По мнению Л. Николова, индивидуальная деятельность («с учетом места индивида в структуре социального обмена») разделяется на две основные категории: 1) участие в производстве продуктов (условия жизни) и 2) участие в индивидуальном усвоении и пользовании созданными продуктами³⁰.

Итак, мы видим, что теоретически возможны разнообразные классификации деятельности. Но с точки зрения изучения образа жизни в том концептуальном ключе, который предложен в статье, оправданным является деление деятельности людей на два основных типа — производственную и внепроизводственную.

Как известно, К. Маркс рассматривал деятельность человека в производстве как процесс «производственного потребления». О внепроизводственной деятельности как индивидуальном потреблении К. Маркс писал, что «в последнем продукты потребляются как жизненные средства живого индивидуума... Поэтому продукт индивидуального потребления есть сам потребитель...»³¹.

Изучение внепроизводственной деятельности в системе эмпирического знания об образе жизни предполагает ответ по крайней мере на следующие вопросы: 1) цели этой деятельности в обществе, в процессе производства — воспроизводства непосредственной жизни; 2) установление тенденций развития внепроизводственной деятельности на основе теоретически обоснованного и эмпирически верифицируемого критерия; 3) раскрытие внутренней структуры внепроизводственной деятель-

²⁶ Образ жизни в условиях социализма, с. 31.

²⁷ Грушин Б. А. Социалистический образ жизни: понятие и возможные направления эмпирического исследования. — *Вопр. философии*, 1977, № 2, с. 29—31.

²⁸ Борщевский М. В., Успенский С. В., Шкарата О. И. Город. М.: Наука, 1975, с. 77—79.

²⁹ Бромлей Ю. В. Указ. раб., с. 105.

³⁰ Николов Л. Указ. раб., с. 152.

³¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23, с. 195.

ности и построение ее типологии исходя из вышеназванного критерия развития.

Методологической посылкой, объясняющей сущность и функции внепроизводственной деятельности, ее функциональную необходимость и социальное пространство ее осуществления, является теория социального воспроизводства в целом, и прежде всего его составной части — социально-демографического воспроизводства первичной территориальной общности.

В трудах К. Маркса и Ф. Энгельса проблемы социального производства — воспроизводства получили глубокое и всестороннее освещение. За последние годы появились работы советских ученых, систематизирующие суждения основоположников марксизма по этому вопросу³², а также работы, в которых динамика социального развития как воспроизводства нашла отражение в системе эмпирических данных и математико-статистических моделях реальных социальных процессов³³.

Социальное воспроизводство — это процесс эволюционного развития системы социальных отношений и групп в пределах общественно-экономической формации в форме их циклического воспроизведения; оно воплощает тенденции изменения социальной структуры, присущие данной формации. Социальное воспроизводство в условиях социализма — это процесс гомогенизации общества, т. е. сближения социальных групп, стирания социально-классовых различий как от поколения к поколению, так и в пределах одного и того же поколения.

Социальное воспроизводство включает в себя как воссоздание ранее существовавших элементов социальной структуры и отношений между ними, так и возникновение и расширенное воспроизводство новых элементов и отношений. В ходе этого процесса формируется изменяющийся и развивающийся индивид.

Если классы, социальные группы и слои, как и отношения между ними, воспроизводятся — функционируют и развиваются — в масштабах всего общества, то процесс воспроизводства индивида протекает непосредственно в первичных территориальных общностях³⁴, которые обеспечивают воссоздание его как живого носителя свойств, характеристик класса, группы, слоя.

Такие первичные ячейки общества, как производственный коллектив, семья, равно как и различные «отраслевые» социальные институты просвещения, здравоохранения и др. осуществляют лишь частичные функции воспроизводства индивида. Специфика функций территориальных общностей состоит в том, что, интегрируя деятельность социальных институтов, они обеспечивают удовлетворение основных потребностей индивида и тем самым его воспроизведение.

В эмпирическом смысле социальное воспроизводство индивида выступает как социальное воспроизводство населения, проживающего на определенной территории. Оно неотделимо от процесса демографиче-

³² Борщевский М. В., Успенский С. В., Шкаратан О. И. Указ. раб., с. 73—78; Социально-политические проблемы НТР и идеологическая борьба. Киев: Политиздат Украины, 1978, с. 42—69.

³³ Бляхман Л. С., Шкаратан О. И. НТР, рабочий класс, интеллигенция. М.: Политиздат, 1973, с. 137—187; Высшая школа как фактор изменения социальной структуры развитого социалистического общества. М.: Наука, 1978; Лукина В. И., Нехорошков С. Б. Динамика социальной структуры населения СССР. М.: Финансы и статистика, 1982.

³⁴ Первичная территориальная общность — исторически конкретное социально-пространственное образование. Ее основное свойство состоит в том, что она может функционировать как относительно самостоятельное гомеостатическое социальное образование. Она также обладает свойством целостности и неделимости по функциональному назначению. Другими словами, ее составные части не могут выполнять те специфические функции, которые присущи данной социально-пространственной единице. Системообразующей функцией первичной территориальной общности является функция устойчивого социально-демографического воспроизводства населения. Последнее обеспечивается повседневным обменом основными видами деятельности людей, а тем самым — удовлетворением их сущностных потребностей. В современном советском обществе к этому типу общностей можно относить население городских агломераций. Жители малых городов, дисперсно размещенных сельских поселений не образуют первичных территориальных общностей.

ского воспроизводства и принимает форму социально-демографического воспроизводства, которое обеспечивает подготовку новых поколений к выполнению общественно необходимых экономических, политических и иных функций. Поэтому в нем могут быть выделены такие составляющие, как демографическое, профессионально-квалификационное, этнокультурное и т. п. воспроизводства.

Процесс социально-демографического воспроизводства многогранен. Он включает в себя как сознательное, целенаправленное воздействие (обучение, воспитание, социальный контроль и т. д.), так и стихийное. При этом индивид выступает не только объектом, но и субъектом воспроизводства (труд, познание).

Социально-демографическое воспроизводство не сводится к физическому воспроизводству численности людского контингента. Это — также воспроизведение совокупности определенных социальных и этнокультурных качеств, необходимых для нормального участия населения в функционировании и развитии общества. Таким образом, в процессе воспроизводства могут быть выделены два аспекта: количественный (собственно воспроизводство индивидов) и качественный (формирование — воспитание, воссоздание социальных и этнокультурных свойств).

В социальном воспроизводстве производственная и внепроизводственная деятельности находятся в тесной взаимосвязи. При этом производственная играет определяющую роль. Она является источником материальных ресурсов для жизнедеятельности людей, а также обеспечивает воспроизводство социально-экономически дифференцированных работников, включение индивидов в конкретные трудовые коллективы с их нормами, ценностями, образцами поведения, что приводит к формированию общих социальных потребностей и интересов у людей, выполняющих сходные трудовые функции в сходных социальных условиях труда. Можно считать производственную деятельность исходным пунктом социального воспроизводства в целом.

В процессе же внепроизводственной деятельности осуществляется прежде всего психофизиологическое воспроизводство (питание, отдых, сон и т. п.) работающих членов общества. Кроме того, в ее состав входят и репродуктивная деятельность, уход за детьми, их воспитание. К внепроизводственной деятельности можно отнести и воспроизводство квалификации в тех учащающихся случаях, когда выполняемый труд по своей сложности требует дополнительных занятий дома, в библиотеке и т. п. Еще одной составной частью этой деятельности являются развитие и удовлетворение эстетических потребностей и творческих способностей людей, их социальной активности. Наконец, в процессе внепроизводственной деятельности удовлетворяются многие общечеловеческие потребности — в общении с людьми и природой, в развлечениях и т. д.

Иначе говоря, внепроизводственная деятельность обеспечивает социально-демографическое воспроизводство индивидов, а тем самым демографическое воспроизводство социальных групп.

Целью внепроизводственной деятельности в социалистическом обществе является удовлетворение потребностей социалистического общества: а) в воспроизводстве индивидов, способных к возобновляемому выполнению социально неоднородных, различающихся по характеру трудовых функций; б) в воспроизводстве все более развитых личностей (эта функция является доминирующей по отношению к первой); в) в воспроизводстве этнической культуры населения, что обеспечивает на данном историческом этапе реализацию первой и второй функций в их диалектическом единстве.

Обратимся теперь ко второму из поставленных нами вопросов — теоретическому объяснению тенденций развития внепроизводственной сферы образа жизни. В основу такого объяснения мы кладем концепцию возрастающего разнообразия деятельности людей.

Известно, что каждый отдельно взятый человек ограничен в своих возможностях хранить объем знаний, навыков, умений, а также в своих

физических и творческих силах. Совсем иначе в этом отношении выглядят сообщество людей, человечество, его конкретные социальные организмы. Человеческое общество благодаря способности разделять функции, специализировать и в то же время объединять своих членов может целесообразно сберегать и знания, и накопленные материальные ресурсы. Поэтому, как отмечал В. П. Кузьмин, «накопление человеческих знаний о мире, опыта производства и опыта социальной жизни, достижений культуры, материальных ценностей — словом, накопление любых долгосрочных материальных и духовных богатств — в этом состоит главный секрет прогресса человеческой цивилизации»³⁵. Но это также означает, что прогресс общества есть путь движения к все более сложным структурам. Именно так оценивал К. Маркс естественно-исторический процесс: «...ход абстрактного мышления, восходящего от простейшего к сложному, соответствует действительному историческому процессу»³⁶.

Следовательно, есть достаточные основания для того, чтобы исходить из принципа, что прогрессивное общественное развитие состоит в усложнении деятельности, росте ее разнообразия. Последнее является объективным свойством материальных систем. Разнообразие можно считать характеристикой совокупности различий, т. е. понятие различия кажется более простым, нежели разнообразие. Кроме того, различие — характеристика внешнего отношения объектов, которые сравниваются; разнообразие же выступает как нечто внутреннее по отношению к объекту, это как бы некоторое отношение объекта к самому себе³⁷.

Подходя с этих позиций к внепроизводственной деятельности, мы рассматриваем меру ее разнообразия как важнейший критерий уровня социального и культурного развития населения, его социальных и этнических групп.

Третьим принципом (предпосылкой) исследования было выделение существенных черт внепроизводственной деятельности, отражающих типическое в образе жизни исследуемого объекта. В повседневной жизни мы наблюдали многообразные акты поведения людей, за которыми скрыты виды деятельности (занятия). Последние — это относительно обособленные, получившие постоянное место в воспроизводственном цикле жизнедеятельности человека (суточном, недельном, месячном, сезонном, годовом) «атомы» человеческой деятельности.

Внешняя сторона (феноменологический уровень) представлена разнообразными эквивалентными, взаимозаменяемыми формами реализации видов деятельности в индивидуальном поведении. Внутренняя сторона (сущность первого порядка) отражает устойчивые в конкретной исторической обстановке черты внепроизводственной деятельности.

Представляется, что признаками — критериями обнаружения за актами поведения видов деятельности как сущности первого порядка могут служить: 1) массовость их проявления; 2) устойчивость во времени и пространстве (за нижнюю границу времени принимается продолжительность смены технологий в современную эпоху (7—10 лет), а за пространство — первичная территориальная общность); 3) инвариантность в специфических условиях исследуемого этноса (или социума). Таким образом, виды деятельности — это повседневные занятия, список которых создается исследователем на основе собственных наблюдений.

Наше исследование показало, что многие родственные по характеру занятия высоко коррелируют между собой. Поэтому можно ограничиваться представительством определенных видов деятельности, учитывая при сжатии «списка» занятий их социально дифференцирующую силу, т. е. исключая из анализа, как правило, те виды деятельности,

³⁵ Кузьмин В. П. Системные обоснования и структуры в методологии К. Маркса. — В кн.: Системные исследования, 1978. М.: Наука, 1978, с. 33.

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 1, с. 39.

³⁷ См. Урсул А. Д. Информация. М.: Наука, 1971, с. 82—89.

в которые в равной степени вовлечены представители всех социальных и этнокультурных групп.

Четвертый принцип состоит в измерении разнообразия деятельности людей дифференциацией их занятий. Известно, что введенный нами критерий разнообразия в данном контексте является экспликацией меры дифференцированности и сложности самой деятельности. Но здесь возникает важный для эмпирического изыскания вопрос о соотношении мер сложности и дифференцированности. Ответ на него содержится в принципе соответствия между сложностью и дифференцированностью функций.

Объясним это на примере. Конкретный человек может быть глубоко увлечен своей работой или воспитанием детей (усложнение функций). И это совсем не всегда сопровождается ростом вовлеченности этого индивида в увеличивающиеся числом занятия (досуговые, общение и т. д.), т. е. из усложнения функций при исполнении определенного круга занятий данным человеком совсем не следуют растущее многообразие, увеличивающаяся дифференцированность его деятельности. Связь здесь может быть прямой и обратной. Однако когда речь идет о группах, общностях разного ранга, то все исследования демонстрируют тесную взаимосвязь между возрастанием сложности, функционального богатства конкретных видов деятельности и возрастанием дифференциации (числа видов) деятельности. Это в исторической ретроспективе и перспективе — однонаправленные процессы. Достаточно вспомнить, как со времен раннеклассового общества и до наших дней человечество увеличило число профессий с нескольких десятков до примерно 60 тысяч, как обособлялись, институционализировались разнообразные занятия людей вне сферы производства.

Это означает, что при исследовании образа жизни этносов, этносоциальных групп, социальных слоев и т. д. информация о функциональной сложности занятий и дифференциации деятельности взаимозаменяема. Другими словами, данные о том, что именно читают люди, с какой глубиной воспринимают просмотренные фильмы и т. д., раскрывают ту же сущность, что и сведения о количестве книг в домашней библиотеке или числе реальных занятий во вне рабочее время. Конечно, количественные характеристики, названные нами, ничего не скажут о типах личности, но скажут самое главное о развитии исследуемой общности и ее внутренней дифференцированности, в том числе и о сущностных чертах образа жизни.

Отсюда и наш метод сбора информации. Вместо применяемых обычно обследований бюджетов времени мы использовали в качестве базовых сведения о «пространстве» развивающейся деятельности, т. е. учитывали данные о длине «списка» занятий во внепроизводственной сфере.

Таковы методологические и методические предпосылки изучения функций и содержания внепроизводственной деятельности. Однако необходимо разобраться и в ее структуре. Это даст возможность выделить основные типы внепроизводственной деятельности по ее характеру. Построение такой типологии предполагает постепенный переход в познании внепроизводственной деятельности от сущности первого порядка (виды деятельности) к сущности второго порядка (теоретически конструированные роды деятельности) и, наконец, к сущности третьего порядка (типы деятельности). Тем самым, раскрывая внутреннее строение исследуемого феномена, мы решаем и задачу структурной многомерной классификации, т. е. эмпирико-теоретической типологии.

Таким образом, данный этап решения задачи требует раскрытия состава внепроизводственной деятельности. В зависимости от целей исследования применяют разные классификации, например «бытовая» и «досуговая» деятельность; «бытовая», «культурная», «общественно-политическая»; «социальная», «духовная», «материальная». Мы берем за основу классификации главные функции этой деятельности, направленные на естественное и социальное воспроизводство. Другими

словами, наша логика выявления основных родов внепроизводственной деятельности диктуется естественными предпосылками поддержания и развития жизнедеятельности людей. движением от фундаментальных форм ее, связанных с необходимым потреблением, к развивающим, обеспечивающим все большую разносторонность личности. Поэтому все занятия по воспроизводству типического индивида были сгруппированы в «блоки» — роды деятельности (сущность второго порядка). Род деятельности выступает как исследовательское обобщение, призванное расчленить поток повседневных занятий по блокам с учетом функциональной близости их. Были выделены следующие роды деятельности: 1) репродуктивная деятельность, 2) психофизиологическое обеспечение, 3) деятельность по воспитанию и обучению детей, 4) общественно-политическая и профессионально-трудовая деятельность во вне рабочее время, 5) культурно-познавательная деятельность, 6) обобщение.

Здесь мы вводим понятие родовидового разнообразия, помогающее нам в описании и объяснении системы внепроизводственной деятельности. Если строить континуум последней, то видовое разнообразие внутри рода выступает как отношение частного к общему, единичного к особенному. Видимо, несколько упрощая, можно сказать, что разнообразие внепроизводственной деятельности определяется прежде всего участием людей в разных родах ее.

Отбор из всех учтенных нами многочисленных занятий тех, что послужили эмпирическими индикаторами основных родов деятельности, дал следующие результаты.

1. Репродуктивная деятельность в эмпирическом смысле представлена фактом наличия или отсутствия детей у респондентов (информаторов).

2. Психофизиологическое обеспечение (т. е. деятельность по восстановлению физических сил индивида для выполнения им производственной деятельности и нормальной жизнедеятельности в целом). Сюда отнесены лишь социально дифференцирующие занятия, т. е. не включены носящие всеобщий характер (типа «сон», «питание» и т. д., где исследование возможно лишь на основе качественных показателей). В данный блок вошли следующие занятия: загородный отдых, работа на садово-огородном участке, характер проведения отпуска, заболеваемость (продолжительность в течение года).

3. Деятельность по воспитанию и обучению детей охватывает те виды занятий взрослых членов семьи, которые связаны с социализацией подрастающего поколения, помощью детям в овладении навыками практической деятельности, освоением всей совокупности социальных функций, ролей, норм, прав и обязанностей. Сюда вошли прогулки, чтение, любительский труд совместно с детьми, проверка домашних заданий, специальные занятия с ребенком и для ребенка (музыкальные, иностранным языком, рисованием и т. п.).

4. Общественно-политическая и профессионально-трудовая деятельность связана с усвоением целого комплекса общественных и профессиональных знаний. Она выводит индивида за рамки непреложных занятий, хотя зачастую и является как бы продолжением производственных функций во вне рабочее время. Сюда мы включили повышение квалификации путем самообразования, на профессиональных курсах, в заочной аспирантуре (ординатуре), в институте повышения квалификации и т. д., общественную работу, учебу в вечерней школе, вечернем (заочном) вузе (техникуме), занятия рационализацией, изобретательством, научной или творческой работой во вне рабочее время; чтение литературы по специальности (дома или в библиотеке во вне рабочее время).

5. Культурно-познавательная деятельность — неотъемлемая часть духовной жизни общества. В процессе этой деятельности формируются мировоззрение, взгляды, установки, ценностные ориентации, нормы межличностных взаимоотношений. Она направлена на функциональное

обогащение досуга и рост культурного уровня индивида. Сюда вошли следующие занятия: чтение художественной литературы и газет, просмотр телепередач, слушание музыки (пластинок, магнитофонных записей и т. п.), посещение кинотеатров, театров, концертов, посещение музеев, выставок, занятия в кружках, студиях художественной самодеятельности, на курсах, самостоятельное художественное творчество (рисование, лепка, игра на музыкальных инструментах и т. п.), любительский труд (различные виды рукоделия, резьба по дереву, моделирование и т. д.), а также занятия фотографией и киносъемкой.

6. Общение — это необходимое условие формирования и развития человека. Характер общения является значимым показателем жизнедеятельности социальной группы. Общение как обмен информацией — неперенный атрибут любой человеческой деятельности. В данном случае мы выделяем ту сторону общения, которая связана с прямыми межличностными контактами. Здесь отобраны занятия, где общение выступает как самоцель и самоценность общественного человека. В этот род деятельности вошли встречи с родственниками, живущими отдельно, встречи с друзьями и знакомыми, игры в домино и карты, игры в шахматы и шашки, посещение спортивных зрелищ, посещение танцев, а также кафе и ресторанов.

Заключительный этап — построение типологии внепроизводственной деятельности путем «свертывания», объединения родов этой деятельности, т. е. построения интегральной шкалы характера внепроизводственной деятельности (сущность третьего порядка).

Таким образом, перед нами встала задача объединения (агрегирования) видовых характеристик в родовые, а родовых — в типовые, т. е. задача классификационная. Каковы возможные способы такого обобщения исходных показателей? В современной практике применения математических методов и ЭВМ в гуманитарных дисциплинах развиваются три основных направления: эвристические методы, обобщение на основе матрицы корреляций и различные способы автоматической классификации³⁸.

К эвристическому моделированию относятся широко применяемые гуманитариями способы группировки исходных характеристик на основе содержательных критериев, сформулированных исследователем, без использования каких-либо формальных критериев типа минимума дисперсии, максимума коэффициента корреляции. Форма выражения агрегированного показателя, функционально зависящего от исходных признаков, может быть как аналитической, так и алгоритмически заданной. Отличительной особенностью этого способа агрегирования является априорное задание всех параметров связи обобщающей и первичных характеристик. Бесспорным достоинством эвристического моделирования можно считать возможность выбирать конкретные приемы обобщения на основе своего видения содержательной стороны проблемы. В то же время широта этого выбора форм, приемов, «технологий» обобщения (различные виды алгоритмов) затрудняет однозначную интерпретацию результатов. Особенно часто описываемый метод применяется для построения некоего индекса, значения которого получаются по порядковой шкале. Применяя этот метод, исследователь исходит из предположения, что два объекта относятся к одному и тому же типу, если им приписывается одно и то же значение индекса. Далее мы на своем примере покажем возможности такого способа обобщения первичных, собранных наблюдателем данных, способа, доступного гуманитариям, не владеющему математическими методами.

³⁸ См.: Типология и классификация в социологических исследованиях. М.: Наука, 1982; Клигер С. А., Косолапов М. С., Толстова Ю. Н. Шкалирование при сборе и анализе социологической информации. М.: Наука, 1978; Айвазян С. А., Бежаева З. И., Староверов О. В. Классификация многомерных наблюдений. М.: Статистика, 1978; Жуковская В. М., Мучник И. Б. Факторный анализ в социально-экономических исследованиях. М.: Статистика, 1976.

Обобщение информации на основе корреляционной матрицы в последние годы чаще реализуется с помощью методов факторного и компонентного анализов. Характерной чертой этих методов является линейный вид зависимости интегральной переменной от первичных признаков. Эта черта не может безусловно рассматриваться как недостаток метода, однако опыт показывает, что в задачах историко-этнографических и социологических преобладает нелинейная зависимость обобщающего и первичных показателей. Именно поэтому мы не использовали методы типа факторного анализа.

В настоящее время в гуманитарных исследованиях сравнительно широкое применение стали получать различного рода методы многомерной (автоматической) классификации, с помощью которых осуществляется разбиение первоначального множества объектов на классы, каждый из которых может рассматриваться как значение новой интегральной переменной. К этой группе процедур относятся кластер-анализ, распознавание образов, таксономия и т. д. Большинство процедур многомерной классификации предполагает наличие «сгустков» объектов, рассматриваемых как точки в исходном признаковом пространстве. При реализации многомерной классификации объекты, расстояние между которыми не превышает некоторого порога (величина его задается априори или определяется из опыта), попадают в один класс. Недостатком этих методов является известная затрудненность содержательной интерпретации результатов проведенного обобщения.

В итоге мы остановились на сочетании легко объяснимого на всех своих этапах метода эвристического моделирования с только что созданной В. Т. Перекрестом качественно новой процедурой автоматической классификации, о которой речь пойдет несколько ниже.

Изложим способ эвристического моделирования, примененный нами для построения типологии внепроизводственной деятельности.

1-й шаг: формирование блоков признаков (т. е. отдельных конкретных занятий людей), соответствующих отдельным родам деятельности.

2-й шаг: преобразование шкал видовых признаков в двухпунктовые (дихотомные) шкалы (по принципу «участие» — «неучастие»). Преобразование шкалы осуществлялось индивидуально для каждого занятия. При этом мы учитывали как реальное частотное распределение по исходной шкале³⁹, так и содержательный характер конкретного занятия. В итоге, например, граница дихотомизации между читающими и не читающими регулярно газеты прошла между первым и вторым пунктами исходной шкалы (т. е. к читающим отнесены лишь те, кто читают газеты «каждый день»); граница дихотомизации посещающих и не посещающих театр и концерты пролегла между пунктами шкалы «не реже 1 раза в 3 месяца» и «не реже 1 раза в полгода» и т. д.

Такое упрощение, т. е. сведение к дихотомной шкале, было необходимо для унификации исходной информации. Это дало также возможность избежать чрезмерного числа группировок видовой деятельности, промежуточных с точки зрения построения шкалы родовой деятельности.

3-й шаг: построение родовых индексов внепроизводственной деятельности. Все разнообразие в пределах родов деятельности было выражено трехпунктовыми шкалами: «высшая» степень разнообразия, «средняя», «низшая». Причины, побудившие пойти на такое упрощение, аналогичны тем, по которым были применены двухпунктовые шкалы при операционализации видовой деятельности.

Рассмотрим на примере культурно-познавательной деятельности, каков был алгоритм отнесения индивида по мере участия в конкретном роде деятельности к одному из трех пунктов шкалы. К первому пункту («высшая») относимы были те респонденты (информаторы), у которых

³⁹ Регулярность участия в конкретном занятии при обследовании регистрировалась по следующей шкале: «каждый день», «не реже 1 раза в неделю», «не реже 1 раза в 2 недели», «не реже 1 раза в месяц», «не реже 1 раза в 3 месяца», «не реже 1 раза в полгода», «реже 1 раза в полгода», «никогда», «нет ответа».

по сумме положительных ответов («да», т. е. участие в конкретных видах занятий, относимых к данному роду деятельности) набиралось от 12 до 8 положительных ответов при отрицательных, не превышающих 4. Ко второму пункту шкалы были отнесены те, кто набирал от 7 до 5 «да» при 5—7 «нет»; к третьему пункту шкалы — те, кто набирал от 4 до 0 «да» и от 8 до 12 «нет».

4-й шаг: построение комплексного показателя внепроизводственной деятельности (индекса характера внепроизводственной деятельности — ИХВД). Этот индекс был получен: а) сложением частных индексов отдельных родов внепроизводственной деятельности; б) умножением их.

По поводу описываемой процедуры хотелось бы отметить, что у нас нет оснований расценивать тот или иной род (а также вид внепроизводственной деятельности) как более или менее значимый. Для нас, например, «поездка за город» и «просто пассивный отдых, ничегонеделание» — равноценные характеристики соответствующего рода деятельности.

Представляется, что осуществляемые многими авторами такого рода измерения независимо от применяемых методов носят ситуативный характер: их надежность строго ограничена временем и местом проведения измерения, а также моделью, в рамках которой они, т. е. измерительные процедуры, корректны⁴⁰.

Обобщенная шкала, следовательно, явилась заключительным шагом в построении индекса характера внепроизводственной деятельности по основанию родовидового разнообразия.

Использование эвристических методов продемонстрировало практическую ценность принципа родовидового разнообразия. Процедура могла быть (и была) содержательно интерпретирована, каждый этап моделирования был доступен проверке по соответствию с наблюдениями за действительностью и историей. Однако применение эвристического метода задало линейный характер модели, не позволило с достаточной степенью детальности изучить структуру внепроизводственной деятельности, установить характер связи видовых и родовых показателей.

Поэтому нами и был употреблен новый, только что созданный метод автоматической классификации (метрическое инвариантное шкалирование), экспериментально проверенный на данных нашего обследования, а также одновременно — на массивах данных, собранных новосибирскими социологами под руководством Т. И. Заславской⁴¹. Этот метод позволил не только в полной мере отразить принцип родовидового разнообразия в полученной типологии, но и дал возможность обеспечить математическую и содержательную интерпретируемость результатов (в частности, раскрытие характера связи между исходными и агрегированными переменными), адекватность модельного представления объекта его реальной структуре, вычислительную реализуемость на значительных по размеру массивах информации (в силу простоты и экономичности вычислительных процедур).

В связи с характером данной статьи сравнительный анализ достоинств и недостатков использованных методов не приводится. Замечу лишь, что эти способы были применены на всем массиве данных, и полученные результаты во всех случаях соответствовали содержательным представлениям и не противоречили друг другу. Эти итоги расчетов (1982—1983 гг.) привели автора статьи к убеждению, что усилиями советской математической школы, наконец, успешно решены казавшиеся ранее неразрешимыми проблемы интерпретации результатов и высокой вычислительной трудоемкости методов классификации социальных объектов. С помощью разработанных методов типологиче-

⁴⁰ Таганов И. Н. Об экстремальном принципе измерения в социологии. — Социол. исслед., 1975, № 3, с. 85—90; Осипов Г. В., Андреев Э. П. Методы измерения в социологии. М.: Наука, 1977.

⁴¹ См. Перекрест В. Т. Нелинейный типологический анализ социально-экономической информации (Математические и вычислительные методы). Л.: Наука, 1983.

ского анализа можно уверенно проводить системные исследования сложно структурированной информации, строить типологические модели изучаемых гуманитарными процессами (явлениями) на информационной базе, включающей преимущественно качественные показатели.

В результате применения перечисленных выше процедур была получена типология индивидов (респондентов) по характеру их внепроизводственной деятельности. Выделено девять основных типов⁴². Исследование структурных характеристик образа жизни вполне может вестись на основе данной типологии, хотя, видимо, могут быть результативны и иные подходы⁴³.

Возможности применения изложенного метода к анализу общего и национально-особенного в социалистическом образе жизни, надеюсь, будут продемонстрированы в специальной публикации.

⁴² Задача решалась на материалах второго этапа массового повторного обследования городского населения Татарской АССР, проведенного в Казани, Альметьевске, Мензелинске в 1967, 1974—1975, 1983 гг. (руководитель — автор). Первые результаты проведенного изыскания см.: *Шкаратан О. И., Еремичева Г. В., Каныгин Г. В., Рябикова И. В.* Характер внепроизводственной деятельности и социальная дифференциация горожан. — Социол. исслед., 1979, № 4; *Шкаратан О. И.* Социальная структура населения города. — В кн.: *Проблемы социального развития*. Л.: Наука, 1982.

⁴³ Наша попытка раскрыть внепроизводственную деятельность социальных групп и этносов через статистическое изучение поведения индивидов находит подкрепление в подходе А. Моля к измерению культуры: «...множество индивидуальных культур, сплавляясь между собой, образует культуру соответствующей социальной группы, которая по объему, как правило, превосходит культуру индивидуума, но уступает ей по богатству „творческих ассоциаций“». Ясно в то же время, что культура индивидуума представляет собой субъективно „смещенную“ выборку из совокупности знаний и идей тех социальных групп, членом которых он является» (*Моль А.* Социодинамика культуры. М.: Прогресс, 1973, с. 53).

О. А. Ганцкая

СЕМЬЯ: СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ, ТИПЫ

В статье сделана попытка дать общие представления о семье как системе с присущими ей функциями (выполнением определенных задач) и структурой, а также построить по структурным признакам разные виды классификаций и типологизаций, не исключающие тех, что приняты в советской этнографии. Основой для этого послужили исследования по общей теории систем, системному анализу и системному подходу наряду с этнографическими, социологическими, демографическими и другими исследованиями, посвященными именно проблемам семьи. Надо сказать, что при выполнении поставленной задачи возникали значительные трудности из-за некоторых расхождений ученых в определениях системы вообще и связанных с ней понятий, проецируемых на семью как на предмет изучения. При этом всегда имелось в виду, что философской основой системных исследований является материалистическая диалектика¹.

Насколько нам известно, в советской науке не было еще специальных исследований семьи как социальной системы, хотя такое ее понимание так или иначе учитывалось в трудах ученых разных специальностей — философов, социологов, демографов и др. Непосредственно о семье в ряду других социальных систем говорится, например, в статье

¹ *Блауберг И. В., Юдин Э. Г.* Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973; *Садовский В. Н.* Основания общей теории систем. М.: Наука, 1974; *Афанасьев В. Г.* О целостных системах. — *Вопр. философии*, 1980, № 6, с. 62—78; *его же.* Моделирование как метод исследования социальных систем. — В кн.: *Системные исследования. Методологические проблемы*. Ежегодник. М.: Наука, 1982; *Гвишиани Д. М.* Материалистическая диалектика — философская основа системных исследований. — В кн.: *Системные исследования...*, 1979; *Фофанов В. П.* Социальная деятельность как система. Новосибирск, 1981; *Хмелев А. М.* Система, систематика, системный подход. — В кн.: *Типы в культуре*. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979, с. 12—21, и др.